

Сергей Ермолаев

ВСЕОБЩАЯ ВОЙНА И ВСЕОБЩАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ:

ПОВТОРЕНИЕ ПРОЙДЕННОГО МАТЕРИАЛА

Рецензия на книгу: Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг. М.: Территория будущего, 2009. — 328с.

Теорий исторического процесса существует великое множество. Тем не менее, несмотря на внушительное количество, их поток, похоже, не иссякает. Отчасти это, конечно, оправданно. В конце концов, идеального подхода к истории пока никто не выдвинул, а подавляющее большинство из находящихся сегодня на слуху вызывают весьма серьезные и справедливые нарекания. Тем не менее к новым теориям претензий предъявляют зачастую не меньше. Не вполне понятно почему, но большинство вроде бы свежих концепций, оказываются на проверку не такими уж и свежими, а просто иначе сформулированными старыми, если не сказать устаревшими. И остается после знакомства с такими «открытиями» лишь недоумение: стоили они вообще авторских усилий?

Все эти соображения пришли в голову при взгляде на книгу известного историка и социолога Чарльза Тилли. При том книгу, как признается автор, «исключительно амбициозную» (С. 17). В самом деле: свою задачу он увидел в том, чтобы на материале европейской истории минувшего тысячелетия внести «свой вклад в попытку выработать теорию исторической случайности» (С. 20). Главным образом Тилли занимает проблема формирования того, что он называет «национальными государствами», — то есть государств, «осуществлявших правление над множеством расположенных рядом регионов с их городами посредством централизованных, дифференцированных и автономных структур» (С. 23). Определение, конечно, выглядит запутанным, и о том, что имел в виду автор, приходится в большей мере догадываться. Легче всего его мысль можно понять, исходя из противопоставления «национальных государств» и остальных форм политических объединений — таких как «империи, города-государства, союзы городов, сети землевладельцев, церкви, религиозные ордена, союзы пиратов, военизированные банды

и много других форм правления» (С. 26). Одним словом, государственных форм было много, но в конечном счете все они трансформировались в тот или иной вариант национального государства. Вот Тилли и пытается объяснить как стартовые различия типов государственных объединений, так и их превращение «в разные формы национальных государств». Почему «направление перемен было одним, а пути разными?» (С. 27).

Эта проблема, по мнению автора, не нашла должного решения в основных исторических теориях. Поэтому он выдвигает свою собственную трактовку истории. Начальной точкой его рассуждений является война, объявленная ключевым фактором развития государств. «В крайних случаях, — говорит автор, — мы даже рассматриваем государственную структуру, главным образом, как побочный продукт деятельности правителя по приобретению средств ведения войны» (С. 39). В другом фрагменте автор еще более категоричен. Государства, по его словам, «всегда (выделено мной — С. Е.) возникают в результате борьбы за контроль над территорией или населением» (С. 25). Собственно говоря, правители на протяжении большей части истории, если верить Тилли, кроме как войной почти ничем не занимались, «предоставляя заниматься другими видами деятельности иным организациям» (С. 147). Война, можно сказать, сама создавала государства. Подготовка к ней вынуждала власть имущих «заниматься изъятием средств для войны у тех, кто владел основными ресурсами — людьми, оружием, запасами продовольствия или деньгами, чтобы все это купить, — и кто вовсе не склонен был их отдавать без сильного на них давления или компенсации». В результате «процессы изъятия ресурсов и борьбы по поводу средств ведения войн сформировали основные структуры государственности» (С. 40).

Зачем же правители во что бы то ни стало стремились к войне? Судя по всему, подобный вопрос автору покажется наивным за очевидностью ответа. Во все без исключения эпохи, по авторскому представлению, войны начинались из банальной корысти. «Применявшие по отношению к другим силу, — пишет Тилли, — выигрывали, доставляя разнообразные преимущества: деньги, товары, уважение, удовольствия, чего не могли получить более слабые» (С. 114). Иначе говоря, сама человеческая природа толкала людей подчинять себе подобных, и по-другому просто не бывало. «Люди, которые контролировали средства принуждения (армию, флот, полицию, оружие и их эквиваленты), — читаем дальше монографию, — обычно стремились использовать эти средства для увеличения массы населения и ресурсов, находившихся в их власти». А остальное зависело от соотношения сил: если у завоевателей «не было соперника с таким же уровнем контроля над средствами принуждения, они просто производили захваты; когда они наталкивались на сопротивление — вели войну». (С. 39).

Не знаю, у кого как, но у меня лично возникли ассоциации с крылатой метафорой из «Левиафана» Гоббса о «войне всех против всех». Гоббс, напомним, писал о «естественном» стремлении людей к одновременному сохранению собственной свободы и обретению власти над другими. Чтобы обуздать эти инстинкты, делающие жизнь каждого «беспросветной, звериной корот-

кой»¹, люди заключают между собой договор. Так появляется государство, которое только и может положить конец взаимному истреблению. Понятно, что учение Гоббса с позиций сегодняшнего дня выглядит фантастическим и с научными данными не состыкуется. Говорю это совсем не в упрек Гоббсу: он был ограничен представлениями своего времени и не мог знать того, что известно нам теперь. Но вот Тилли отчего-то не нашел иного выхода, кроме как по-своему интерпретировать этот ветхий тезис о войне как первопричине человеческих поступков. Даже стыдно накануне третьего тысячелетия мыслить категориями несколько вековой давности.

Естественно, к предложенной Тилли концепции государства возникают вопросы. К примеру, в догосударственную эпоху (между прочим, куда более длительную, чем сама история государств) всевозможные столкновения между обществами тоже случались. Да еще какие: по принципу «око за око, зуб за зуб». Нет бы на этой основе возникать государствам, но почему-то до этого на протяжении десятков тысячелетий не доходило. Сказать прямо, и не могло дойти. Само подчинение одних другими при первобытном коммунизме было исключено, ввиду необходимости труда всех без исключения для элементарного выживания коллектива.

А вот по мере развития производства действительно начинали возникать отношения эксплуатации и возникала потребность, говоря словами Тилли, в «средствах принуждения». Военный грабеж (при том систематический), покорение соседей ради описанных автором «разнообразных преимуществ» в самом деле приобрели широкий размах. Но это был лишь один из видов эксплуатации — наряду с теми, которые все активнее культивировались в пределах каждого из обществ и в не меньшей, если не в большей, степени вызывали потребность в «средствах принуждения» уже для «внутреннего пользования». Иными словами, государство появлялось не для войн как таковых (оно бы тогда появилось гораздо раньше), но для обеспечения классового подчинения. Что же касается обильно приводимых в работе примеров завоеваний и создания под их воздействием государств, то, если разобраться, это был частный случай классовообразования. Завоеватели, наподобие дружины Олега, покорившей Киев и близлежащие земли устанавливали на новых территориях систему классовой власти, сами становились господствующим классом.

И если еще немного развить тему завоеваний... Кому конкретно в уже сформировавшемся государстве доставались «разнообразные преимущества» от войн? Как мы уже знаем из книги Тилли, — правителям. А кроме них? Опять же очевидно, что на войнах — что в глубокой древности, что ближе к нашему времени — наживались преимущественно господствующие слои общества. Война тем самым воплощала, в первую очередь, их классовые интересы. Это я к тому говорю, что эволюцию государств без серьезного классового анализа понять невозможно. Однако с ним в работе Тилли обстоит явно не лучшим образом.

1. Цит. по: Рассел Б. История западной философии. М.: Академический проект, 2000. С. 507.

Хотя о классах он рассуждает много и в их весьма важном значении не сомневается. «Организации основных общественных классов» в каждом государстве оказывали, по версии автора, «сильнейшее влияние на стратегию правителей в деле добывания ресурсов (для войны — *С. Е.*)» и во многом определяли уже «организацию государства», а конкретно «его репрессивный аппарат, фискальную администрацию, оказываемые им услуги и формы представительства» (С. 40, 152). Прежде всего, правители, то есть «те, кто может употребить принуждение», привлекали, «преследуя собственные цели, обладателей капитала, деятельность которых создавала города» (С. 42). Капитал и принуждение, с точки зрения Тилли, являются главными составляющими любого государства; «в разных комбинациях» они «производили разные типы государств» (С. 42–43).

Всего автор выделяет «три пути формирования государства» (или три государственных типа): «с интенсивным принуждением», «с интенсивным капиталом», а также «смешанный путь одновременного употребления капитала и принуждения». Тут же Тилли уточняет, что это «не альтернативные стратегии, а различия в условиях жизни» (С. 61), определяющиеся как раз стартовой расстановкой классовых сил. Классы, в представлении автора, в зависимости от своих интересов, поддерживают разные формы государств. «Дворяне — то есть благородные землевладельцы — больше всего поддерживают государства интенсивного принуждения, в то время как держатели капитала — купцы, банкиры и промышленники — господствуют в государствах интенсивного капитала» (С. 221). Поэтому, например, в Пруссии, где помещики представляли основную классовую силу, утвердился тип «интенсивного принуждения». То же самое было в России, где имела место, по выражению Тилли, «квинтэссенция стратегии интенсивного принуждения» (С. 207). Зато в Голландской или Генуэзской республиках явное преобладание городов предопределило движение по второму пути («с интенсивным капиталом») (С. 62).

Только вот в чем парадокс: разница в стартовых условиях не помешали, с точки зрения Тилли, сходному в основных чертах итогу. Взаимодействие государств оказалось гораздо важнее изначальных различий между ними. Три пути «под давлением международной конкуренции» неуклонно сближались, а когда после XVII века третий путь («капитал + принуждение») показал себя наиболее эффективным, то он «стал преобладающей формой даже для тех государств, которые в начале развивались по иным моделям» (С. 62). И неудивительно, что чем ближе к сегодняшнему дню, тем больше европейские государства оказываются похожи друг на друга. Автор даже перечисляет, чем именно они похожи: «с XIX в. до наших дней» все правительства «занимаются гораздо больше, чем раньше, построением социальных инфраструктур, предоставлением услуг, регулированием экономической деятельности, контролем за перемещением населения и обеспечением благосостояния граждан» (С. 62–63). Конечно, Тилли призывает не забывать и о специфике стран. Если взять «современные социалистические государства», то они, по его словам, отличаются от капиталистических «более

прямым, осознанным контролем производства и распределения». И все же эти подробности автору кажутся не слишком существенными. Он все равно относит страны «советского блока» «к тому же типу, что и соседние с ними капиталистические государства», — просто потому что все они «представляют собой национальные государства» (С. 63).

Думаю, из приведенного фрагмента ясно: перед нами очередной вариант теории модернизации. Сторонники этой теории (У.Ростоу, С.Эйзенштадт, С.Хантингтон и другие), как и Тилли, предписывали всем государствам, независимо от социально-экономического устройства, движение в одном направлении, а также достижение ими все большего сходства благодаря взаимным контактам и превращение в конечном счете в «однородные». И в качестве примера «однородности» самые разные авторы часто указывали на капитализм и «реальный социализм» как на разновидности «общества модернизи», или «современного общества». Сходства между ними усматривались как в «способе производства», признававшегося «фордистским и тейлористским в своей основе», так и в форме политической власти, «которая представляла собой социалистический вариант кейнсианства»². Из этой близости, в первую очередь, и исходили, отодвигая своеобразие классовых отношений и прочие отличительные черты на второй план.

И как же в таком случае быть с неоднократными заверениями Тилли по поводу важности «классовой организации»? По-моему, сам автор опровергает их своей исторической концепцией. По сути он воспроизвел в своей работе устаревший, восходящий к уже упоминавшимся идеям общественного договора (снова в памяти возникает Гоббс) взгляд на государство как на надклассовый институт. В самом деле: классы у Тилли выступают в качестве некой естественной среды, в которой действуют правители. При чем действуют, как мы уже видели, сообразуясь только с собственной логикой и учитывая интересы того или иного класса лишь постольку, поскольку эти интересы сообразуются с той самой логикой, совпадают с интересами самих правителей. А на выходе получается почти идентичный результат, на который никакие классы повлиять не могут. Спрашивается: имеют ли они хоть какое-нибудь значение?

Беда Тилли, равно как теоретиков «общества модернизи», состоит лишь в том, что на практике те самые представления о единой модели и общем историческом пути не подтверждаются. И, кстати, отчасти Тилли вынужден это признать. Например, он задается вопросом: «Почему же Венеция или Россия не стали Англией?» Ответ получается весьма противоречивый. По словам Тилли, «отчасти следует ответить: они стали». То есть опять начинаются рассуждения о типе «национального государства», к каковому на момент вступления в Первую мировую войну Россия с Италией все же относились. Но тут же мы читаем о кардинальных отличиях этих стран от Англии, ввиду их неспособности «освободиться от власти прошлого, от прошлой истории» (С. 233).

2. Хардт М., Негри А. Империя. М.: Праксис, 2004. С. 259.

Вспоминается излюбленный анекдот Фрейда про испорченный чайник. Человек, обвиненный в порче, заявил, что обвинения надуманы, поскольку, во-первых, он никогда не брал чайник, во-вторых, вернул его целым и невредимым, а в-третьих, взял чайник уже дырявым. Вот и я тоже хочу разобраться: так стали Россия с Италией такими, как Англия, или им в том помешало собственное прошлое? Возможен только один ответ, и он, если отрешиться от концепции Тилли, вроде как очевиден. Просто посмотрите, с насколько несравнимыми последствиями все эти страны пережили Первую мировую войну, и все станет ясно. Но тогда с какой стати надо подгонять их под один шаблон, мерить единой мерой? Выходит, государства, записанные Тилли в «национальные», обладают лишь формальными сходствами, ничего не дающими для понимания истории.

То же самое можно сказать в связи с сопоставлением стран Запада и «советского блока». Глупо отрицать: между системами было много общего, в том числе вследствие превозносимого Тилли взаимного влияния. Например, феномен «государства благосостояния» на Западе возник во многом как ответ на попытку социалистического преобразования в СССР. С этой точки зрения, Октябрьская революция, направленная против капитализма, парадоксальным образом дала ему, по выражению Э. Хобсбаума, «стимул к самореформированию»³. Только почему общие черты надо считать важнее отличий? Разве можно считать второстепенными расхождения между демократией, пусть в ограниченном виде, но все же существовавшей на протяжении значительной части XX века в странах первого мира, и диктатурой советского образца? Или террор 1930-х — 40-х годов был просто побочным явлением, отклонением от нормы? Между прочим, он в значительной степени объясняется классовыми особенностями советской системы, автором успешно проигнорированными. Известный немецкий ученый К. А. Виттфогель когда-то установил в концепции «восточного деспотизма» однотипность устройства советских и древневосточных обществ⁴. В обоих случаях население эксплуатировалось непосредственно бюрократическим аппаратом, который не просто обеспечивал интересы господствующего класса, но сам был господствующим классом. И, как свидетельствует история, государственный террор является как раз нормой для таких государств, общепринятым способом их функционирования.

И ведь террором отличия советских обществ от стран западной демократии не исчерпываются. Опять же если считать эти системы только разновидностями одного и того же, то непонятно, почему одна из них рухнула, а другая вроде бы не собирается. И что немаловажно — бывшие страны «реального социализма» в наше время скорее пополнили (даже несмотря на вхождение некоторых из них в Евросоюз) третий мир, чем присоединились

3. Хобсбаум Э. Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914–1991). М.: Независимая газета, 2004. С. 96.

4. Wittfogel K. A. Oriental Despotism. A Comparative Study of Total Power. New Haven: Yale univ. press, 1957.

к первому. Во всяком случае глубина экономического падения всех этих стран без исключения в результате крушения советского строя оказалась впечатляющей.

Снова возникают вопросы к сторонникам теории модернизации и к Тилли, в частности. Согласно этой теории, отсталые страны должны были развиваться по образу и подобию ведущих капиталистических стран и достигнуть высот западной жизни. Правда, впоследствии выяснилось, что реальность не имеет ничего общего с такими ожиданиями, в связи с чем идеи модернизации заметно утратили популярность. Тилли оказался перед тем же самым противоречием. С одной стороны, он пускает критические стрелы в адрес «девелопменталистов» (тех самых теоретиков, ожидавших от третьего мира движения маршрутом наиболее успешных мировых держав), говорит с долей удивления о том, что преобразования на западный манер носят в странах Латинской Америки или Африки декоративный характер, что «в противоположность тому, чему нас учит история Европы, теперь создание большого правительства, производ и милитаризация идут, кажется, рука об руку» (С. 292). А с другой стороны, сделав все эти признания, автор все же надеется, что история еще двинется в русле, проложенном Западом. «Если европейские государства, — говорит Тилли, — выработали путь к огражданствованию общественной жизни, то также могут и должны действовать государства третьего мира — стоит им (или их патронам) позволить развернуться этому европейскому процессу» (С. 317).

Не перестаю удивляться авторской непоследовательности. Выглядит, согласитесь, нелепо, когда прогнозируется именно тот вариант событий, который, по словам самого же предсказателя, сбывается с точностью до наоборот. Но еще интереснее другое. Задолго до выхода книги Тилли в западной науке уже несколько десятилетий как получили широкое хождение теории, исчерпывающе объяснившие тщетность ожиданий Тилли. И сам он тоже не строил бы иллюзий, если бы принял за основу анализа не «национальные государства», а социально-экономическую систему, к которой они принадлежат, в данном случае капиталистическую. Давно не является секретом, что капитализм выстраивает не только вертикальную, но и горизонтальную иерархию, ранжирующую все страны на «ведущие» и «ведомые» или на «центр» и «периферию». Обширная «периферия» здесь, в первую очередь, нацелена на обслуживание передовых экономик и сама развивается в очерченных «центром» пределах и потому обречена по большей части на хроническую «недоразвитость» («underdevelopment»)⁵. Именно к этой «недоразвитости» и восходят произ-

5. См.: Кардозо Ф. Э., Фалетто Э. Зависимость и развитие Латинской Америки. Опыт социологической интерпретации. М.: ИЛА РАН, 2002; Пребиш Р. Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива? М.: ИЛА РАН, 1992; Cardoso F. H. Dependency and development in Latin America // Introduction to the sociology of «developing societies». N. Y.; L.: Monthly review press, 1982; Dos Santos T. The structure of dependence // American economic review. 1970. Vol. 60. № 2; Frank A. G. Capitalism and underdevelopment in Latin America. N. Y.; L.: Monthly review press, 1967.

вол, милитаризация и другие явления, перечисленные Тилли и отмеченные им как странные.

И у меня тоже осталось впечатление весьма странное. Упорно не могу понять: в чем же состоит заявленная «амбициозность» книги, оперирующей просроченными концепциями и неспособной объяснить элементарных вещей? Решайте сами, читать ее или нет.